

объективном порядке вещей; в основе бытия; в законах природы, обременительных или унижительных для духа; в несоответствии целей и средств; в несогласованности должного и неизбежного; в неустранимости несприемлемого в праведном приятии неосуществимого задания; в препятствии, возлагаемого вину на невинного героя; в неисцелимом мучении от неизменных условий человеческой жизни; в страданиях невинного за вину виновных; в столкновении духа с чужой пошлостью и слепотой; поругании толпы над гением; вынужденном отказе от праведности во имя религиозного призвания. Всюду, где *духовный человек страдает от объективно-неразрешимого конфликта и несет в жизни последствия этой неразрешимости, складывается трагическая ситуация*. Ильин очень точно описывает трагические «ситуации», он дает ответ на вопрос, который многие люди ищут всю жизнь: почему я страдаю? Религия состоит в любви к Богу во всем Его совершенстве и в стремлении к полноте общения с Ним. И вот, с первых же религиозных шагов, с самого начала человек убеждается в своей недостаточности, в своем несовершенстве, составляющем для него главное препятствие. Любовь к Богу пробуждает в нем волю к самосовершенствованию.

В обществе обнаруживается жажда совершенства. Моему поколению принадлежит сложная задача возрождения религиозности в России, понимания религиозного опыта, его Предмета, акта, содержания и метода, очищения, избавления от греха, причин страдания, самоосвобождения и прикосновения к совершенству Божию.

Ильин очень точно и определенно выводит так называемые аксиомы религиозного опыта, с которыми, на мой взгляд, сложно не согласиться. И очень сложно говорить, прав он или нет, так как сложно найти работу такого же масштаба и сравнить ее с работой А. И. Ильина. Тема религиозного опыта настолько обширна, мало разработана в современной философии и очень актуально в данное время.

1. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М., 1993.

В. М. КНЯЗЕВ

Екатеринбург

МЕТАМОРФОЗЫ ЦЕННОСТНОГО СУЖДЕНИЯ

Всякое суждение содержит в себе интенцию оценки, ибо осуществляет его человек, который способен судить – взвешивать на весах справедливости достоверность поступающего в сознании знания. Исходя из этого факта, можно предположить, что содержание любого суждения ценностно и мыслительным действием своим оценивает то, о чем повествует. Конечно, наше суждение о способности суждения оценочно. Мы акцентируем внимание на этой стороне действующей посредством суждения мысли.

Сама способность к суждению есть свидетельство зрелости человеческого мышления. Человек, способный к суждениям, умеет связывать реальность субъекта с реальностью предиката, строить с помощью категорий

осмысленную картину представлений о мире. Для человека выстроить картину представлений о мире равносильно творческому преобразению мира.

История философии учит, что нет объекта без субъекта. По мысли А. Шопенгауэра мир есть мое представление. Объективность мира обусловлена экзистенцией субъекта, то есть, производна от активного, творческого начала мира, имя которому Бог. Объективное бытие Бога как субъективное, экзистенциальное бытие необъективно и потому непознаваемо. Путь к ноуменальному уровню бытия пролегает через самопознание, через углубление в бытие абсолютно свободного духа человека. Ни при каком условии, т.е. безусловно, человек не может полагать себя как средство, а должен и может желать свою самореализацию, полет своего свободного духа как цель и смысл своей жизни. Убеждение, как твердое и ясное представление о достоинстве и высшем ранге человеческого духа отличает человеческую волю от жизненной воли других существ.

Это убеждение, будучи принесено волнами современного глобалистского либерализма в тихую заводь российского сознания прижилось и даже полюбилось многими и потому стало принципом практического самосознания их. Находясь в эйфории свободы люди, стали мыслить о себе нереалистично – однополярно, представлять себя в абсолюте независимости от объекта. Тогда как жизнь человека – середина в том плане, что протекает в пространстве «между» небом и землей, внутренним и внешним, субъектным и объектным, активным и пассивным. Человек танцует фигуры своей жизни на тонкой линии границы, которая едва различимой линией отделяет бытие от небытия, подлинное бытие от неподлинного.

Проблема человека в искусстве «срединного пути», в способности избегать крайностей и быть в полноте субъектно–объектного взаимодействия. К примеру, убеждение сердца – это вера. Велик соблазн у человека – жить просто и не мудрствуя, во всем полагаясь на мудрость веры, отдав ее истине свою свободную волю. Но как только человек поверит истине веры, так истина и исчезнет из веры. Оказывается путь веры есть путь подвига, но не путь победителя. Следует согласиться с мыслью К. Ясперса, что альтернативные суждения: либо вера иначе нигилизм; либо наука иначе иллюзия, «используются как боевые средства для запугивания душ, дабы лишить их дарованной им Богом ответственности за себя и привести их к подчинению. Они разрывают возможности человека, превращая их в противоположности, между которыми исчезает собственное бытие человека».¹ Полнота действительного бытия человека обретается им тогда, когда есть для действительного бытия простор возможного, когда есть синтетическое органическое единство действительного и возможного, субъектного и объектного, есть верная цель и надежное средство ее достижения.

Действительная реальность, в которой мы живем и действуем, субъектно-объектна. И мы реально что-либо свершаем только силой решаемого противоречия, которая струится из глубин многообразного единства противоположных начал. И в сфере духа, веры мы так же творим силой противоречия субъектно-объектного единства. По К. Ясперсу, в разумной вере

совмещаются два взаимно противоречивых момента: человеческое притязание к Богу, человеческое сомнение и полное, не сомневающееся доверие к Богу. Как это совмещение возможно? Вероятно, вера составляет единство убеждения – страсти к истине и бытия истины, которое доступно и понятно мне. «Если я беру только субъективную сторону, остается вера как верование, вера без предмета, которая как бы верит лишь в самое себя, вера без существенного содержания веры. Если же я беру только ее объективную сторону, то остается содержание веры как предмет, как положение, догмат, состояние, как бы мертвое ничто. Поэтому вера всегда есть вера во что-то. Но я не могу сказать ни то, что вера – объективная истина, которая не определяется верой, а, напротив, определяет ее, ни то, что она субъективная истина, которая не определяется предметом, а напротив, определяет его. Вера едина в том, что мы разделяем на субъект и объект, как вера, исходя из которой, мы верим, и как вера, в которую мы верим. Следовательно, говоря о вере, мы будем иметь в виду то, что она объемлет субъект и объект. В этом заключена вся трудность, с которой мы сталкиваемся, желая говорить о вере»²

«Срединный путь» жизни не только труден, но он еще и опасен оборотничеством нашего бытия. Из классики мы знаем о реальности «живого трупа», «мертвых душ», а из практики жизни мы знаем о предательстве и измене, подлости и трусости, о величии души простого человека и низости духа начальствующей особы. Опасность оборотничества в агрессивности и свободе не узанного зла. В том, что зло, прикрывшись маскою добра, компрометирует дела и усилия добра. Имитация доброго поступка, виртуозное, играющее подражание добру есть, по сути, беззастенчивая эксплуатация силы символов и значений добра в интересах зла. Мы живем в обществе карнавала, безпардонной имитации и вселенского обмана. Нами могут править «живые трупы», продавать в розницу и оптом за чечевичную похлебку, за барахло и «тридцать серебряников» живую душу человека. Таким образом, иррационализм и абсурд начинают управлять ходом жизни, а течение жизни становится неподвластно разуму воли.

Оборотничество, постоянная метаморфоза хода жизни ставит нас перед проблемой различения превращенных форм жизни. Зачастую, мы видим под видом реальности мираж, очень часто не отличаем действительность сна от действительности бодрствования. То, как мы живем, нельзя назвать жизнью, а то, о чем мы мечтаем, нам недоступно. Что хочу, то не делаю, а что делаю, того не желаю. В душе кровоточит конфликт сознательного с бессознательным, и разрешается болезнь этого конфликта без участия воли человека. Человеческое сознание просто ставится перед фактом рождения и существования превращенной формы собственного душевного духа. В ситуации оборотничества действует фатум. Иррациональная воля рока правит свободной волей человека. Как же освободится от рабства иррациональности? Духовный опыт культуры дает два пути ответа: путь веры в Бога и сороботничества с Ним в деле обретения утраченной свободы духа, и второй путь – путь борьбы с волей иррационального рока и отобрание у него части демонической свободы. Понимание свободы как осознанной необходимости

есть демоническое понимание сущности свободы. На самом деле при таком понимании свободы нет, а есть добровольное подчинение свой свободной воли духа воле иррациональной судьбы. И есть путь возвращения к божественной сути своего божественного бытия. Свободу воли нельзя потерять – это не в нашей власти. Можно только утратить верное отношение к дару свободы, забыть о духовном первородстве и влачить жалкую жизнь узника пещеры. В затхлом мире пещеры, где реальность превращается в зыбкую картину теней, жители пещеры созерцают заморожено танец имитации, который творится силой их «святой простоты», так как они верят искусителям, что их царство пещеры лучше царства света и простора.

Кредо философии, которая воинственно отстаивает истину демонической свободы, впечатано в сознание современного человека авторитетом таких умов: как К. Маркс, З. Фрейд, Ф. Соссюр. Современный ум находится под гипнозом аргументов демонической свободы. Научная сила аргументов демонической философии и их авторов есть оборотная сторона слабости современного религиозного сознания. Степень умственной деградации современного ума прекрасно иллюстрирует Р. Генон, когда он отмечает такой примечательный факт: «Достаточно привести один-единственный пример, чтобы дать представление о глубине этого упадка: в свое время «Сумма теологии» Фомы Аквинского была учебным пособием для студентов, но где они сегодня - такие студенты, которые были бы способны углубить и усвоить ее?»³

Удивительна степень властности истины авторитета над рабским умом человека. Как можно было поверить З.Фрейду, создавшему злую пародию на человека? Поверили и создали научные институты, художественные направления в литературе и искусстве, перекорезив все интенции здравого смысла мировой культуры. Современный антрополог, наш земляк Ю.И. Новоженков пишет в своем фундаментальном труде «Таинственное либидо»: «Главная особенность творчества Фрейда является патологическая направленность его интересов, объектов и обобщений. Человек Фрейда - это прежде всего больной, психически извращенный, с чрезвычайно обостренной чувствительностью, патологической наследственностью, усложненной и искаженной детскими впечатлениями и ощущениями. Теория Фрейда и его метод применимы лишь к патологическим формам человеческого переживания, хотя невозможно найти ту грань, которая отделяет больного человека от здорового».⁴

Психоанализ З.Фрейда, редуцировав божественную экзистенцию человека до слепой стихии либидо, отказал свободной воле человека в способности оценивающего суждения. Человек был превращен в добровольного раба сексуального вождения. Божественное существо из человека было вымарано, и осталась чернота демонического. «Естественно», что демонический человек стал бунтовать против Бога, видя в совершенстве культуры, сублимацию сексуальности, в отрешенности святой молитвы – сексуальны экстаз, в реализме религиозного сознания – иллюзию и заблуждение этого сознания. Но, что «естественно» для патологического человека Фрейда, то противоестественно для верующего человека. Как

правильно оценить, живя под властью имитационной культуры, естество бытия – вот вопрос духовного выживания для человека еще способного к оценочному суждению.

Сложность проблемы еще в том, что фрейды приходят и уходят, но на смену к ним идут такие властители дум как Ф. Соссюр, Дж. Сорос, а мыслители ранга Генона не допускаются до сознания масс. Американизация мировой культуры осуществляется нагло с беспрецедентным напором на психику и ум человека и в результате вопрос Конфуция о том, как воспитать в человеке превосходные качества заменяется вопросом, как наладить конвейерное производство идеальных рабов. Суть борьбы с американизмом в том, что его нельзя победить оружием «объективной» науки, а лишь подвигом возрожденной традиции. Способность к оценочному суждению успешно реализуема лишь на основе мудрости традиции, а не на основе пустоты и толерантности открытого общества. Замечательный ученый А.С. Панарин прав, когда отмечает, что объективизм социальной науки Маркса, Фрейда Соссюра обманчивый объективизм, в нем сокрыта разрушительная сила демонического духа. «В самом деле, детерминистские инстанции Маркса, Фрейда и Соссюра вовсе не нейтральны, как можно было бы подумать, ссылаясь на их объективную природу. В сущности они демоничны, ибо несут в себе то, что способно вызвать чувство протеста, мести, тираноборства. Словом, их открытие вовсе не остужает нашего сознания, не придает ему научную бесстрастность, напротив, оно будит в нас самих демоническую энергетику, жажду реванша, мстительного предвкушения. Смерть Буржуа, Смерть Отца, смерть Автора – вот какие программные задания вносят в культуру соответственно, марксизм, психоанализ, (пост) структуализм. Быть современным – значит находиться в ситуации перманентной самоотстраненности, не доверять не только чужим, но и собственным непосредственным побуждениям, заподозривая в них действие отчуждающей структуры. Отсюда – особая демоническая диалектика современной культуры: именно то, что выступает перед нами с наибольшей благонамеренностью, что выступает от имени добра, искренности, справедливости, становится объектом наибольших преследований, вызывает наибольшую злобу и ненависть».⁵

Ясно, что традиционалистскому сознанию нужна не демоническая диалектика, а диалектика любви, разработанная в опыте религиозной традиции. Способность к оценочному суждению может быть плодотворной и успешной только на основе этой диалектики. Михаил Назаров оценивая истину неоязычества, которое пропагандируется как панацея для духовного выздоровления России, опираясь на мудрость православной традиции, показывает лживость неоязычества, скрывающего свою суть под маской истины «естества». «Многие любопытствующие, – пишет он, – стремятся получить «духовность» легко и сразу в готовом виде, «для улучшения здоровья». не задумываясь о ее качествах и последствиях. К примеру, благое желание укрепить в годину невзгод тело и душу ослабляет дух народа, ибо «язычество рассматривает нацию в основном как биологический организм, не чувствуя духовной основы национального самосознания и самой цели

существования нации». ⁶ Тогда как народ - это социальная единица и он обладает социальными качествами – местом и ролью в историческом процессе. Поэтому, укрепляя здоровье, забывая при этом, а зачем оно, во имя какой цели, люди занимаются «суетой сует и ловлей ветра». Мудрость религии в том, что она есть идеология спасения народа, а не идеологией маргинала озабоченного состоянием своего здоровья. Человек вне жизни народа есть нулевая величина, та пыль истории, которая клубится под ногами решительно идущих по дороге истории народов крепкой веры.

Виртуозное искусство диалектики любви продемонстрировано в традиции апофатического богословия. Мы стоим сейчас перед задачей творческого освоения этого опыта. Освоив мудрость и силу этой диалектики, мы обретем способность к ценностному суждению, и начнем свой выход из царства пещеры, с его театром теней.

И в заключение статьи укажем еще на один гносеологический соблазн, который препятствует нашему принятию мудрости диалектики «апофазы». Соблазн этот в тиражированной мысли сильного и популярного для либерального сознания Дж. Сороса, в его понимании критерия истины. Если постмодерн говорит смерть Автору, то философия Сороса провозглашает смерть Истине, ибо у нас нет ни малейшей надежды - познать Истину. А если нет Истины, то нет и Бога. А сели нет Бога, то, говоря словами Ивана Карамазова, все позволено. А практически это означает, что все преступления, творимые в России, по меньшей мере, не могут быть оценены как таковые, а по большому счету – они легитимны, ибо кто будет судить победителя, если Бога нет, а побежденные закованы навеки в цепи рабства.

Дж. Сорос – великий спекулянт, он в совершенстве владеет искусством управления движением, метаморфозой превращенной формы. Говоря о критерии истины, он пишет: «Утверждение, что все человеческие построения имеют недостатки, звучит довольно мрачно, но это не причина для отчаяния. Ошибочность оценивается негативно только потому, что мы лелеем ошибочные надежды. Мы жаждем совершенства, постоянства, высшей истины и – по крупному счету – бессмертия. Судя по этим стандартам, человек всегда будет неудовлетворен своим состоянием. На самом деле совершенство и бессмертие ускользают от нас. А постоянство может быть найдено только в смерти. Но жизнь дает нам шанс усовершенствовать наше понимание именно потому, что оно несовершенно, и улучшает наш мир. Когда все построения имеют недостатки, варианты приобретают значимость. Одно построение лучше, другие – хуже. Совершенство недостижимо, но то, что по своей сути несовершенно, открыто для безграничного усовершенствования». ⁷ Фокус этих рассуждений состоит в том, что в результате их суггестивного действия умозаключается, что несовершенство лучше совершенства, что бессмертие равно тупости и покою смерти. На каком основании это утверждается, если на основании агностицизма И. Канта, который утверждал, что «вещь в себе не познаваема», то этот аргумент отвергнут успешно Вл. Соловьевым, его вопросом: Если вещь в себе не познаваема, то откуда мы знаем, что она не познаваема. Утверждение, что я, что-то не знаю, основано на знании моего

незнания. Утверждения агностицизма безосновательны, они основаны на энергетике демонической диалектики. Почему диалектический разум Сороса трактует смерть как постоянство, как покой. Ведь, смерть и есть реальное бытие действующей диалектики, смерть есть форма отрицания частичной, несовершенной жизни во имя полноты и целостности универсальной жизни Абсолюта. Смерть как бытие диалектического обновления и совершенствование жизни не есть тупое, мертвое бытие разума, а есть врачующий скальпель в руках Бога. Видимо, для разума демонической диалектики воля Бога страшна и разум этой диалектики прячется как согрешивший Адам от призыва Господа в мир неверной оценки смерти. Любая мысль живет энергетикой диалектики общего, особенного и единичного. Как можно понижать ранг общего и возвышать ценность единичного, на каком основании? - Только на основании решимости переоценить ценности. Если это так, то мы имеем дело с агрессивней мыслящей воли, которая навязывает нам свое представление о мире и выстраивает свои приоритеты ценностей в этой картине мира.

Единственное, чего не хватает диалектике «апофазы», - решимости воли жить по воле Бога. Когда будет свет естественного, данного нам при сотворении мира Богом разума, тогда исчезнет оценочная позолота с теней пещерного царства и хитрость спекулятивного разума пойдет промышленять во тьму более глубоких пещер бытия или уйдет в бездну небытия, той смерти, имя которой покой.

КОГУРЭ МИДЗУКИ
Токио
И. В. ЯНКОВ
Екатеринбург
«АНГЕЛЬСКАЯ» ГНОСЕОЛОГИЯ

Обращение к данной проблематике вызвано изучением древнерусской иконописи, что потребовало анализа трудов православных мыслителей и отцов церкви. В рамках этой темы является значимым вопрос об ангелологии, проблематизации фетишизма и идолопоклонства.

Чтобы представить себе специфическую гносеологическую функцию ангелов, мы должны прежде всего обратиться к учениям Дионисия Ареопагита, который пытался соединить неоплатонические учения об абсолютной непознаваемости Бога с положением об условной возможности богопознания через последовательное восхождение по лестнице небесной иерархии – «лестнице Иакова». Теория небесной иерархии оказала сильное влияние как на последующую христианскую эстетику, так и на ангелологию.

Иерархия, по Дионисию, «есть священное устройство, знание и действие, уподобляющееся, насколько это возможно, божественному и к дарованным ей от Бога озарениям соразмерно для богоподражания возводимое»¹. Целью этой иерархии является уподобление Богу и соединение с Ним по мере своих возможностей, в результате чего участники ее становятся «божественными